

ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА МАТЮШКИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы гуманитарного факультета
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ekaterina-matyush@yandex.ru

«ДЕКАБРИСТСКИЙ МИФ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Б. ОКУДЖАВЫ И Б. ГОЛЛЕРА

А н н о т а ц и я . Цель исследования заключается в том, чтобы на основе контекстуальных связей романа Булата Окуджавы «Бедный Авросимов» и пьесы Бориса Голлера «Сто братьев Бестужевых» проследить присутствие декабристской проблематики в разножанровых произведениях, рассмотреть пересечения, наличие глубинных точек соприкосновения авторов-современников. Используются сравнительный, социокультурный, историко-литературный методы, а также целостный анализ художественного произведения. Новизна исследования заключается в том, что «декабристский» сюжет в исторических произведениях Б. Окуджавы и Б. Голлера рассматривается впервые. Писатели создали схожие художественные миры, а их произведения оказались необыкновенно созвучны времени. Если Б. Голлер, следуя документальной основе, выстраивает психологически достоверный портрет исторической личности, то в романе Б. Окуджавы фокус внимания смещается от образа декабриста Павла Пестеля в сторону духовной жизни «дилетанта», ставшего невольным участником трагедии. Упоминание декабристов давало возможность аллюзий, создания исторических параллелей между прошлым и настоящим, порождая совершенно новое ценностное наполнение понятия «свобода». Выдвигается гипотеза о том, что взгляд двух авторов на восстание декабристов роднит установку на субъективность, на выражение личностного отношения к воссоздаваемым событиям. Все это составляет стилевую основу их произведений. При этом в центре повествования оказывается не непосредственное изображение исторического факта, а раскрытие нравственного мира героя, его переживаний и потрясений.

Ключевые слова: Б. Окуджава, Б. Голлер, декабристы, декабристский миф, нравственный идеал

Для цитирования: Матюшкина Е. Н. «Декабристский миф» в исторических произведениях Б. Окуджавы и Б. Голлера // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 1. С. 40–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.989

ВВЕДЕНИЕ

Будучи современниками, Булат Окуджава и Борис Голлер¹ развивались независимо друг от друга, но в их творчестве можно обнаружить точки соприкосновения и несомненное сходство некоторых творческих интересов: значение декабристов, особое внимание к концепции нового человека, стремящегося к свободе и нравственному идеалу. Ценностные ориентиры и авторские установки этих писателей, сформировавшиеся под влиянием сложнейших процессов своей эпохи, продиктованы желанием продемонстрировать именно личностное отношение к истории, дать возможность читателю соприкоснуться с мироощущением участников событий.

* * *

Миф о декабристах создавался на протяжении двух столетий. В современном декабристоведении выделяются разные подходы к осмыслению декабризма как культурного и исторического феномена: от определения роли декабристов в истории России, мифологической составляющей данного явления до выдвижения на первый план непреходящих духовных ценностей: долга, чести, совести. Важно подчеркнуть, что формирование мифа продолжается и сегодня, происходит переоценка общественно-политических идеалов участников восстания, ведутся оживленные дискуссии историков о нравственных уроках декабризма. Е. Дзюба справедливо полагает, что

«анализ литературного декабризма, представления о декабризме как о типе общественного сознания или обращение к мифологическому аспекту бытования дискурса является камертоном саморефлексии общества в сфере эстетических, этических или социокультурных процессов развития» [5: 289].

Историческая проза Б. Окуджавы и драматургия Б. Голлера во многом создали схожие художественные миры. Объединяющим началом для романа «Бедный Авросимов» (1969) и пьесы «Сто братьев Бестужевых» (1975) является не только «декабристский» сюжет и романтическое мироощущение авторов, но и обращение к нравственности человека, уважение его личности, предельное заострение вопроса о смысле, цене свободы и личной ответственности. Эти два произведения оказались необыкновенно созвучны дыханию времени. Упоминание декабристов давало возможность аллюзий, создания исторических параллелей между прошлым и настоящим. «Духота» эпохи, являясь причиной внутренней драмы героев, порождала совершенно новое ценностное наполнение понятия «свобода». Произведения Б. Окуджавы и Б. Голлера невозможно рассматривать вне социокультурного контекста, так как в них писатели сумели выразить свое время, свой опыт и опыт целого поколения.

В 1960–1980-е годы определенно чувствовался отход от демократических тенденций «оттепели», усиливался административный контроль над культурной жизнью. Для поэтов, писателей, драматургов и режиссеров участники тайных обществ становились не только выразителями идеологии, а героями, пожертвовавшими собой ради торжества справедливости и свободы. Важными в этом отношении представляются слова Б. Окуджавы:

«<...> что отличало их от всех других поколений революционеров, так это то, что им было что терять – это были богатые люди, а по сегодняшним понятиям, очень богатые люди <...> Декабристы знали, что могут все потерять, но они настолько были переполнены любовью к России, что не могли поступить иначе. Явления, подобного декабризму, нигде в мире больше не было, это уникальное явление нашей истории»².

Именно в этот период появляются работы Ю. Лотмана, в которых характер декабриста определяется как особый историко-психологический и культурный тип, не знающий аналога в истории России:

«Значение декабризма в истории русской общественной мысли не исчерпывается теми его сторонами, которые до сих пор привлекали внимание исследователей <...> именно в создании совершенно нового для России типа человека вклад их в русскую культуру оказался непреходящим. Своим приближением к норме,

к идеалу он напоминает вклад Пушкина в русскую поэзию» [7: 496, 572].

Примером романтизации и мифологизации декабристов может служить фильм В. Мотыля «Звезда пленительного счастья» (1975), в котором история представляется фоном нравственной проверки каждого героя. В. Мотыль предложил Б. Окуджаве стать соавтором сценария. Как он позже вспоминал, писатель отказался, так как не хотел иметь дело «с документально известными историями, которые не оставляют место для фантазии»³. Тем не менее Б. Окуджаво специально для фильма написал романс «Кавалергарды, век недолог», который позволяет зрителю погрузиться в атмосферу эпохи и служит фоном для рассказа о судьбе поручика Ивана Анненкова.

Особенно декабристская тема интересовала драматургов 1960–1980-х годов. В связи с этим важно упомянуть исторические пьесы Я. Гордина «Мятеж безоружных» (1964) и Л. Зорина «Декабристы» (1966). В 1979 году Э. Радзинский написал пьесу «Лунин, или Смерть Жака» о последних днях жизни сосланного в Сибирь декабриста. Явление декабризма привлекало мыслящих вопреки догмам времени авторов возможностью на фоне истории осмыслить свою собственную судьбу и признать самоценность личности. Миф о декабристах позднего советского периода точно интерпретирует О. Эдельман:

«Для интеллигенции на первый план выступила проблема свободной личности, противостоящей тираническому режиму, с насущными вопросами нравственно-этического свойства <...> Они служили нравственным мерилем, тем святым в отечественной истории, чему можно было поклоняться открыто, лукаво пользуясь совпадением с официальной системой ценностей» [9].

В 1967 году пьеса Б. Окуджавы «Глоток свободы», прославляющая революционный подвиг декабриста М. Бестужева, была поставлена З. Корогодским в Ленинградском театре юного зрителя. Размышляя о взаимосвязи этого произведения с декабристоведением советского периода, С. Бойко делает важное с теоретической точки зрения замечание:

«Понимание сюжетных коллизий персонажами тесно связано с революционным мировоззрением: мгновение революционного подъема, бунта мыслится как вершина бытия, им поверяется вся жизнь, до и после. Все, что до революции, – подготовка к ней, все, что после (равелин, рудники, поселение...), – цена, которую не жаль заплатить за миг богоподобия <...> Со всей определенностью Бестужев здесь – соцреалистический герой-мученик, жертва, принесенная во имя грядущего торжества справедливости» [4: 109].

Необходимо подчеркнуть, что роман «Бедный Авросимов», опубликованный всего через несколько лет, является свидетельством отхода писателя от прежней «гуманистической парадигмы» (С. Бойко). Достаточно вспомнить, что в 1971 году при первом книжном издании в серии «Пламенные революционеры» произведение называлось «Глоток свободы. Повесть о Павле Пестеле». В позднейших переизданиях роман выходил только под названием «Бедный Авросимов», которое, с точки зрения автора, точнее отражает концептуально-тематическую основу, фокусируя внимание читателя на оценке духовно-нравственного состояния частного человека. Произведение только отчасти соответствовало поставленным задачам – романное повествование, посвященное жизнеописанию известного революционера. Заведующий редакцией серии «Пламенные революционеры» В. Новохатко в мемуарах писал, что Б. Окуджаве неоднократно приходилось вносить изменения в текст, увеличивая «роль» декабриста:

«Автор доверил повествование вымышленному мелкому чиновнику Авросимову <...> Да, Окуджава написал не то, что имел в виду в заявке на книгу. Это скорее роман, в котором одно из действующих лиц – Пестель. Он – одна из пружин романа, но не главная» [8].

Не менее трудный путь к читателю и зрителю был у пьесы «Сто братьев Бестужевых» петербургского драматурга Б. Голлера. Е. Алексеева справедливо обращает внимание на то, что при соблюдении внешних пропорций соцреалистического канона долгое время произведение не могло получить официального признания:

«Для ленинградского Молодежного театра <...> “Сто братьев Бестужевых” стали <...> своеобразным паролем, на который отзывались “свой” – те, кто понимал, о чем написал пьесу Б. Голлер и о чем поставлен спектакль. <...> Чужие, впрочем, тоже не дремали: в декабристах – рыцарях прошлого века – они мгновенно почувствовали угрозу, как и в неутешительных выводах автора касательно иссякновения породы благородных мятежников» [1].

Открытие постановкой этой пьесы 18 января 1980 года Молодежного театра в Измайловском саду стало заметным явлением в театральной жизни Ленинграда. Но только в 2007 году она получила широкую известность. В предисловии к этому изданию известный театральный режиссер Л. Додин замечает:

«Сегодня, когда возвращение к коренным истокам русской и мировой гуманистической культуры становится абсолютно единственной возможностью нашего национального развития, пьесы Голлера снова, как и раньше, нужны русскому театру, русскому зрителю, русскому читателю» [6: 5–6].

Декабристы в исторической пьесе Б. Голлера «Сто братьев Бестужевых» – люди, которые принесли себя в жертву ради благородных принципов. Вместе с тем список действующих лиц открывают вовсе не участники восстания, а Летописец. Он не просто фиксирует события, а активно присутствует, оказывается «своим» как среди братьев Романовых, так и в доме К. Рылеева, где собираются мятежники накануне восстания. Этот персонаж обладает ярко выраженной позицией. Наполненные эмоциями ремарки выдают его оценочность, сопричастность происходящему: «резко», «улыбнулся», «досадливо», «в сердцах», «жестко» и т. д. Летописец, как и требует канон, не имеет собственной биографии. О себе он сообщает только следующее: «Кто я? Слабый человек! Только историк и рассказчик истории! И мне уже не удержать взбесившихся коней Трагедии!» (Голлер: 96)⁴. Сам факт наличия такого свидетеля вызывает доверительное отношение к истинности описываемых явлений.

В пьесе неоднократно наблюдается наложение разных временных отрезков. Летописец предстает тем героем, который объединяет расходящиеся во времени события, его реплики возвращают читателя или зрителя к главной теме повествования. Так, текст не распадается на фрагменты, а представляет собой цельное произведение. Показательным примером может служить диалог Летописца с Михаилом Бестужевым. Офицер отправляется охранять покои Николая Романова за день до восстания, при этом он произносит монолог, которым собирается «вовлечь» будущего императора:

«Вам придется сделать выбор! С кем вы? – С молодостью, которая дергает и жаждет перемен... или со старостью, которая желает лишь одного, чтоб все осталось по-прежнему! <...> Идемте с нами! Вы ведь тоже молоды! Даруйте свободу России!» (Голлер: 87).

Его пространные, излишне восторженные рассуждения резко прерывает Летописец: «Вы получили мое письмо? В ваш далекий Селенгинск?.. Вам ведь известно уже – что путь, на который вы ступили, будет кончаться в Селенгинске?» (Голлер: 87). В одном фрагменте текста ведется параллельное повествование, эпизоды сильно расходятся во времени: Михаил Бестужев за сутки до «выступления» был начальником караула, и здесь же указано место, где он находился с 1839 года на поселении. Из разновременных частей складывается целостная картина исторического события, трактовка которого основана на сочетании достоверности и фактографичности с психологической рефлексией.

Благодаря такому подходу участники восстания сами комментируют и анализируют насто-

ящее и свои поступки. Они, некогда мечтатели и идеалисты, столкнулись с действительностью, испытали крушение прежних надежд, разочаровались в высоких словах. Вечером 14 декабря Михаил Бестужев «медленно и безучастно» скитается по Петербургу, пытаясь понять, что же изменилось, прислушивается к разговорам горожан. С болью и сожалением он осознает, что никаких перемен не произошло. Со всех сторон раздаются только возгласы негодования и осуждения. В каждом слове героя звучит безысходность от осознания случившегося:

«Как ничего не было!.. И небо не упало на землю... И мир не перевернулся! Тогда зачем все было? <...> Где я?.. Скобяной ряд!.. и ничего не изменилось! И пройдет сто лет и ничего не изменится <...> Там, зачем все было?.. Или, может быть, не было! <...> Так-то, почтеннейший Михаил Александрович! Глас народа – глас Божий! И ваши действия по достоинству оценены! Так, стоило ль сбрасывать, ради этого ваш блистательный – ваш лейб-гвардейский мундир» (Голлер: 103–104).

Проблема нравственного выбора для декабристов определяется самой необходимостью сделать выбор, невозможностью остаться в стороне или отказаться от ответственности. На допросе Николай Бестужев говорит императору:

«Послушание раба не заменит собой разума и достоинства человека! <...> Я – моряк! Когда я понял, что судно, на котором плыву, это – невольничий бриг... я отказался плыть на нем по течению, как все! И я вышел на площадь! <...> Чтобы выйти... разве надобно непременно верить в успех?.. Достаточно сознать – что не можешь не выйти» (Голлер: 111).

Действительно, понятия долга, совести, чести и человеческого достоинства наполняются в пьесе конкретным содержанием. Николай I искренно удивлен ответом одного из «братьев», что в случае победы он просто бы вернулся в свой архив: «Какие плоды?.. Свобода России! Разве ж это – малый плод» (Голлер: 111).

Размышляя о своеобразии драматургии Б. Голлера, литературовед и критик М. Амосин замечает:

«Новый российский император Николай предстает у Голлера не алчущим жертв драконом и даже не принципиальным сторонником деспотизма, а человеком практичным и трезвым, уверенным в своем праве на власть и осуществляющим это право» [2].

В начале произведения еще будущий император Николай I предлагает свое «механическое» видение государства, где личность является лишь «винтиком» системы:

«Государство есть некий механизм – наподобие больших часов. Где все колесики – малые, большие, средние – как бы продеты сквозь одним стержнем. Главным! И лишь посредством него приводятся в правильное дви-

жение!.. Полк на марше являет в этом смысле идеальный вид» (Голлер: 73).

Декабрьское восстание оказывается для него тяжелейшим испытанием, наложившим отпечаток на все его дальнейшее царствование. В завершение одного из допросов Николай I с горечью осознает, что не все готовы быть «колесиками» в его системе:

«Безумная история!.. Неужели это – моя история? (Почти взмолился.) Господи! Хочу простых чувств... и простых людей! Простой, патриархальной – даже вражды! Где можно понять хоть логику в мыслях! (Пауза... Тяжело опустил в кресло.) Вот я и воссел на трон!.. Безумцы! Безумцы! Какое одиночество!..» (Голлер: 116).

Мятежники для Б. Голлера – люди, мечтавшие изменить страну к лучшему, верившие в то, что их общественно-политические идеалы могут оказать благотворное влияние на культурное и социально-экономическое развитие России. Впоследствии декабристы становятся героями его исторической драмы «Вокруг площади» (1982) и повести «Петербургские флейты» (1983). Внимание драматурга переносится с социологически абстрактных закономерностей на конкретные исторические личности со всем богатством их внутреннего мира и связью с эпохой.

Иной подход представлен в романе Б. Окуджавы «Бедный Авросимов». Фигура декабриста Павла Пестеля не становится ключевой, хотя его идеи и являются предметом пристального изучения автора. Писатель демонстрирует, как после знакомства с исторической личностью меняется образ мыслей и система ценностей «дилетанта», остро чувствующего драматизм своего мира. В дальнейшем это определит специфику повествовательной манеры Б. Окуджавы, а также обусловит авторский подход к осмыслению личности в истории.

В предисловии к двухтомному изданию избранных произведений писателя 1989 года Г. Белая отмечает:

«Переоценка железного Пестеля, не останавливающегося перед кровью <...> способного запустить свои идеи в армию с надеждой, что она “сработает быстрее, чем канцелярская машина”, – обо всем этом писатель размышлял в 1965–1969 годах, когда стрелка общественной жизни если не остановилась, то явно повернулась в сторону прошлого <...> Неожиданная для традиции русской литературы жесткая оценка Пестеля означала переоценку того исторического фанатизма, под знаком которого прошли детство и юность Окуджавы и его сверстников» [3: 14].

Действительно, свои исторические романы Б. Окуджава создавал в годы «застоя», в тот период, когда он, как и многие его современники,

осознал обманчивость прежнего «оттепельного» понимания свободы личности и творческого самовыражения. В своем первом историческом романе «Бедный Авросимов» он воссоздал один из трагических моментов в истории России – следствие над декабристами: «<...> со времени известного и ужасного предприятия на Сенатской площади прошло около месяца и первоначальный ужас начал зарастать корочкой» (Окуджава: 26)⁵. «Розовощекий» писарь становится очевидцем допросов Павла Пестеля в Петропавловской крепости. Герой вовсе не является пассивным наблюдателем, он – соавтор и соучастник происходящего, пусть даже невольный. При первой встрече Авросимов негодует, испытывает враждебность по отношению к Пестелю, называя его то «злодеем», то «врагом», то «последним калифом перед крушением царства». Описывая внешность декабриста, он не скрывает своего презрения: «<...> глянув оцепенело на круглое, с маленькими глазками лицо Пестеля, весь возмутился от неприязни к этому лицу» (Окуджава: 34).

Автору важно показать, как меняется отношение «дилетанта» к Павлу Пестелю от резкого неприятия до сочувствия, как писарь, проникаясь идеями декабризма, мечтает о благоденствии, самопожертвовании во имя свободы и высшей справедливости: «Вознесся я, вознесся, – мелькнула в голове нашего героя нерадостная мысль. – Как бы не упасть...» (Окуджава: 72). Авросимов, находясь в душевном смятении, начинает сомневаться, невольно задаваться «опасными» вопросами:

«Что знает человек, сей ничтожный, о себе самом? Пожалуй, лишь то, что он ничтожен перед лицом высших сил <...> Почему они все божеское предписание исполняют, а те, другие, противоборствуют? В чем же истина? Велик государь? <...> А если велик, как же у того разбойника достало силы духа вынашивать черные свои планы об убийстве? <...> Какое оно, начало, всему было? <...> Значит, исподволь все копилось. А начало где? А нет ли этого начала и в нем самом, в Авросимове?» (Окуджава: 47).

Разумеется, во время многочисленных допросов Авросимов не имеет возможности вступить в диалог с Пестелем. Писарь только внимательно слушает, сопереживает, эмоционально реагирует на его реплики. Однако в «фантазиях» героя все же состоялась встреча с декабристом. Авросимов вдруг явственно представил, что он находится в Малороссии в доме Пестеля. В романе подробно воспроизведена эта воображаемая беседа, описано поведение и слова персонажей. Наконец герой может открыто обсудить с декабристом волновавшие его вопросы о смысле и успехе «предприятия». Пестель задает вопрос:

«Вы проглядывали Русскую Правду? Значит, вы согласны, что, после того как все свершится, необходимо будет диктатура власти? Согласны?»

– Да, – сказал наш герой, и сердце его похолодело» (Окуджава: 236).

Это всего лишь плод фантазии усомнившегося «дилетанта». Мысленный диалог становится ключевым не только для раскрытия идей Пестеля в романе, но и представляет описание глубинного противоречия личности «обычного» человека. «Понятия времени и места перемешались» для Авросимова. Возвращаясь к реальности, он оказывается перед исписанными листками протоколов:

«Пестель уговорил большую часть членов на истребление императорской фамилии... Ежели останутся великие князья, не избежать междоусобия... Никто более Пестеля не стремился к исполнению преступных замыслов общества... Он предлагал истребление всей императорской фамилии...» (Окуджава: 238).

Продолжая «метаться душою», Авросимов представил себе «пестелевых единоверцев», в которых «не угасли еще искорки надежды, но на которых лежали скорбные тени казематов». Герой, возмущенный их предательством, осознает свое одиночество и бессилие:

«Обида за несчастного полковника подкатила к горлу. Поверьте, он был страшен в это мгновение, наш рыжий великан, и, кто его знает, может, очутись пред ним сам великий князь, пришлось бы его императорскому высочеству худо, да, видно, господь уберет» (Окуджава: 239).

Авросимов на протяжении всего повествования испытывал тревогу, чувствовал, что необходимо совершить выбор, но для этого ему не хватало решимости. Планы побега декабриста из Петропавловской крепости выглядели совершенно абсурдными. Авросимов фантазировал, метался, «разрывался на части», постоянно откладывая реализацию своего «страшного предприятия», которому так и не суждено было осуществиться. Он испытывал то непонятное водолушечество, то небывалый страх. Шло время, герой не предпринимал никаких активных действий. После разоблачения на допросе он плакал и все упорно отрицал.

В конце романа, проведя ночь на гауптвахте, «сотрясаемый лихорадкой», с «зареванным лицом», Авросимов был сослан из Петербурга в двадцать четыре часа в свою деревню. При этом он ощутил даже некое облегчение. Позже весть о казни декабристов, проникшая в его спокойную жизнь, о которой так долго он грезил,

«сквозь запах липовый меда, грибов, опадающей антоновки <...> все же не смогла его поразить. Видимо, где-то в глубине души таилось все-таки предчув-

стве неминуемой жестокой расправы над несчастным полковником, не ко времени родившимся» (Окуджава: 263–264).

Возникшее сомнение после знакомства с декабристом Павлом Пестелем для частного человека в романе «Бедный Авросимов» еще не поступок. Неслучайно Б. Окуджава не сохраняет название «Глоток свободы». В произведении представлена пока только нерешительная попытка противостояния историческим силам. Дальнейшее критическое переосмысление декабризма писатель продолжит в романах «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом». Но уже в первом опыте исторической прозы обозначена концептуально значимая для мировоззрения Б. Окуджавы мысль о бессилии отдельного человека перед историей и вместе с тем праве на «глоток свободы».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советские прозаики, поэты и драматурги обращались к окруженному романтическим ореолом декабристскому сюжету, создавали разные

в жанровом отношении произведения, объединяющим началом которых является проекция далекого прошлого на современную реальность. Б. Голлер, следуя документальной основе, выстраивает психологически достоверный портрет исторической личности. Однако целостная художественная модель создается за счет надъисторической «нарративной» фигуры Летописца, наделенного аксиологической функцией. В романе Б. Окуджавы фокус внимания смещается от образа декабриста Павла Пестеля в сторону духовной жизни «дилетанта», ставшего невольным участником трагедии. В результате в произведениях происходит мифологическая перестройка исторического сюжета. Взгляд художников на восстание декабристов роднит установку на субъективность, на выражение личностного отношения к воссоздаваемым событиям. Все это составляет стилевую основу их произведений. При этом в центре повествования оказывается не непосредственное изображение исторического факта, а раскрытие нравственного мира героя, его переживаний и потрясений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Борис Александрович Голлер (р. 1931) – петербургский писатель, драматург, историк. Широкую известность получил после создания пьес «Десять минут и вся жизнь» (1960), «Матросы без моря» (1966), цикла драматических новелл «Поколение 41» (1968) (цикл был один раз поставлен в Ленинградском ТЮЗе под названием «Модель 18–68»). В 1970-х годах литератор обратился к русской истории XIX века: пьесы «Сто братьев Бестужевых» (1975), «Вокруг площади» (1982), «Плач по Лермонтову» (1974), «Венок Грибодову» (1985). В 1980-х годах Б. Голлер переходит к созданию прозаических произведений: повесть «Петербургские флейты» (1983), эссе «Драма одной комедии», «“Торе от ума” в меняющемся мире», «Послание от Феллини» и др. Сегодня Б. Голлер продолжает создавать прозу: в 2017 году опубликованы последние части романа о А. Пушкине «Возвращение в Михайловское»; в 2019 году выходит повесть «Мастерская Шекспира», а в 2021-м – роман о последних месяцах жизни М. Лермонтова «Синий цвет вечности».
- ² Окуджава Б. «Я грустный оптимист» (Неизвестное интервью Булата Окуджавы. Творческий вечер в Томске) // Новый берег. 2004. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/berreg/2004/6/bulat-okudzhava-ya-grustnyj-optimist.html> (дата обращения 16.04.2023).
- ³ Мотыль В. О Булате Окуджаве // Встречи в зале ожидания: Воспоминания о Булате / Сост. Я. И. Гройсман, Г. П. Корнилова. Н. Новгород: Деком, 2004. С. 40.
- ⁴ Голлер Б. Сто братьев Бестужевых. Театр. СПб.: Балтийские сезоны, 2007. 320 с. Цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках автора и через двоеточие страницы.
- ⁵ Окуджава Б. Ш. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Современник, 1989. 528 с. Цитируется по этому изданию с указанием в круглых скобках автора и через двоеточие страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Е. Кавалергардов век недолог... // Знамя. 2014. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2014/6/kavalgardov-vek-nedolog-8230.html> (дата обращения 16.04.2023).
2. Амусин М. На авансцене и за кулисами истории. О творчестве Бориса Голлера // Звезда. 2004. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2004/3/na-avanscene-i-zakulisami-istorii.html> (дата обращения 16.04.2023).
3. Белая Г. Булат Окуджава, время и мы // Окуджава Б. Ш. Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Современник, 1989. С. 3–24.
4. Бойко С. С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М.: РГГУ, 2013. 602 с.
5. Дзюба Е. «Декабристский» дискурс в литературе русского зарубежья (Михаил Цетлин) // Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты: Коллективная монография. Вроцлав; Краков, 2021. С. 287–297.
6. Додин Л. Предисловие // Голлер Б. Сто братьев Бестужевых. Театр. СПб.: Балтийские сезоны, 2007. С. 5–6.

7. Лотман Ю. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2015. С. 496–579.
8. Новохатко В. Белые вороны Политиздата // Знамя. 2013. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/5/belye-vorony-politizdata.html> (дата обращения 16.04.2023).
9. Эдельман О. Миф о декабристах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arzas.academy/materials/906> (дата обращения 16.04.2023).

Поступила в редакцию 29.06.2023; принята к публикации 04.12.2023

Original article

Ekaterina N. Matyushkina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)
ekaterina-matyush@yandex.ru

THE “DECEMBRIST MYTH” IN THE HISTORICAL WORKS OF BULAT OKUDZHAVA AND BORIS GOLLER

Abstract. The article is aimed at tracing the presence of the Decembrist problematics in works of different genres through the analysis of the contextual connections between Bulat Okudzhava’s novel *Poor Avrosimov* and Boris Goller’s play *One Hundred Bestuzhev Brothers* in order to establish the interconnections and deep connections between authors who were contemporaries. The research methodology included comparative, sociocultural, historical, and literary methods, as well as the holistic analysis of art works. The novelty of the research is that it is the first study of the “Decembrist” plot in Okudzhava’s and Goller’s historical works. The writers created similar fiction worlds, and their works turned out to be very much in tune with the spirit of the time. That said, Goller uses the documentary materials to build a psychologically credible portrait of a historical figure, while Okudzhava in his novel shifts his focus from the image of the Decembrist Pavel Pestel to the spiritual life of an “amateur” who became unwittingly involved in the tragedy. The mention of the Decembrists made it possible to create allusions, or historical parallels between the past and the present, giving rise to a completely new value content of the concept of “freedom”. The article suggests a hypothesis that one important thing the two authors’ views of the Decembrist uprising have in common is their intentional subjectivity aimed at expressing their personal attitudes to the recreated events. All this forms the stylistic basis for their works. At the same time, their narratives are focused not on the direct depiction of the historical events, but on unlocking the moral worlds of the heroes, their experiences, and personal upheavals.

Keywords: Bulat Okudzhava, Boris Goller, Decembrists, Decembrist myth, moral ideal

Citation: Matyushkina, E. N. The “Decembrist myth” in the historical works of Bulat Okudzhava and Boris Goller. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(1):40–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.989

REFERENCES

1. Alekseeva, E. The Chevalier Guards are short-lived... *Znamya*. 2014;6. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2014/6/kavalergardov-vek-nedolog-8230.html> (accessed 16.04.2023). (In Russ.)
2. Amusin, M. At the forefront and behind the scenes of history. The works of Boris Goller. *Zvezda*. 2004;3. Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2004/3/na-avanscene-i-za-kulisami-istorii.html> (accessed 16.04.2023). (In Russ.)
3. Belaya, G. Bulat Okudzhava, time and we. *Okudzhava, B. Selected works*. Moscow, 1989. Vol. 1. P. 3–24. (In Russ.)
4. Boyko, S. S. Bulat Okudzhava’s works and Russian literature of the second half of the XX century. Moscow, 2013. 602 p. (In Russ.)
5. Dzyuba, E. The “Decembrist” discourse in the literature of Russian abroad (Mikhail Tsetlin). *Other shores of Russian literature and culture: ideas, poetics, contexts: Collective monograph*. Wrocław; Krakow, 2021. P. 287–297. (In Russ.)
6. Dodin, L. Preface. Goller, B. *One Hundred Bestuzhev Brothers*. *Theater*. St. Petersburg, 2007. P. 5–6. (In Russ.)
7. Lotman, Yu. The everyday life of the Decembrists. *Lotman, Yu. Conversations on Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX centuries)*. St. Petersburg, 2015. P. 496–579. (In Russ.)
8. Novokhatko, V. White crows of Politizdat. *Znamya*. 2013;5. Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/5/belye-vorony-politizdata.html> (accessed 16.04.2023). (In Russ.)
9. Edelman, O. The myth of the Decembrists. Available at: <https://arzas.academy/materials/906> (accessed 16.04.2023). (In Russ.)

Received: 29 June 2023; accepted: 4 December 2023